

Алибек АСКАРОВ

КИГАШСКАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

В мире литературы немало художественных произведений, которые не наскучивают, сколько бы раз ни перечитывал их. Наоборот, с каждым новым прочтением в них открываются новое дыхание, новые смыслы, словно неведомые кровеносные сосуды включают тебя в общую жизненную систему с героями, и весь ты наполняешься радостным благоговением. К таким произведениям я бы отнес рассказы замечательного русского писателя Константина Паустовского. Особенное место в его творчестве занимают такие рассказы, как «Корзина с еловыми шишками», «Старый повар», «Ручьи, где плещется форель». Эти творения, благородные и чистые, как сказки, заставляют восторгаться чувства читателя и разливают в сердце теплый свет.

В нынешнем году дела закинули меня в Атыраускую область, и мне довелось беззаботно проехать по этим землям до самой границы с Россией. В этом путешествии я услышал от своего друга, ученого-краеведа Отепбергена Алимгереева, удивительную историю, которая произошла в семидесятых годах прошлого века в Володарском районе Астраханской области. Она показалась мне похожей на рассказы Паустовского...

* * *

Стояло начало октября.

Это было время, когда колхоз, ища приюта среди девственной природы и обходя наводненные земли, постепенно перетаскивал во дворы накошенное за лето сено.

В давние времена здесь был большой остров. С наступлением лета узкий, как горло, перешеек, соединявший его с сушей, уходил почти полностью под воду. Опытные трактористы, знавшие наизусть колею, даже бровью не вели на это... Они находили путь среди разлившегося озера и шли напролом.

Теперь уже нет той большой воды... А ведь томимая жаждой земная стихия высыхает и покрывается морщинами! Вот уже несколько лет, как вода отошла с этих мест и остров соединился с сушей. Узкий перешеек нынче превратился в пыльную, накатанную дорогу.

Как бы там ни было, гладкую поверхность острова покрывали густые и сочные заросли рогоза. В наступившем после осенней страды затишье на острове ходили, ковыряясь, лишь четверо-пятеро трактористов. Они старательно нагружали сани возвышавшимися там и сям скирдами сена и отвозили их на сушу, к скотным дворам.

Всю последнюю неделю осенняя погода отличалась спокойным нравом, и солнце-батюшка щедро разливало теплые лучи. Показалось даже, что вернулась сарша тамыз¹, — так нагревало спину и щекотало ноздри.

Однако осенняя пора переменчива, как обидчивая девица. Солнечная горячка продлилась недолго, и со вчерашнего дня эта благодать резко поменялась. Морозящий теплый дождь перешел в пробирающий до костей осенний холод. Небо заполонили плотные темные тучи, и к вечеру задул порывистый студеной ветер.

Возившие сено четыре тракториста, ссылаясь на дождь, с наступлением сумерек уехали в аул. Пятым человеком на острове был механик Нариман.

¹ Сарша тамыз — знойные дни лета: конец июня — начало июля.

Один из тракторов сломался, и он в одиночестве остался в домике для рабочих, чтобы заняться ремонтом.

То, что называлось домиком, являло собой считавшуюся двухкомнатной приземистую лачугу с плоской крышей и скрипучей дверью.

В комнате – одинокое оконце, на полу – ряды дощатых топчанов, на них – забитые сухой травой полосатые матрасы. Передняя представляла собой закопченный дымом тесный чулан. В самом центре чулана стояла выложенная из кирпича печурка. Колхоз был беден, зияющие дыры и прорехи в этом подобии жилья из года в год кое-как чинились и латались. Но для сезонных работников и этого было достаточно.

В предрассветных сумерках после отъезда трактористов Нариман взобрался на ближнюю развилку острова и поставил с подветренной стороны сетчатый невод в четыре кулаша². Ранним утром, едва продрав глаза, он сел в лодку и поехал посмотреть свой невод.

Над рекой верблюжьей остью протянулся бело-сизый туман. Подернутая дымкой округа словно не желала показывать своих очертаний. К счастью, невод оказался с уловом. В него попало несколько сазанов, судаков и окуней.

Собирая сеть, Нариман краем глаза заметил, как колыхнулись густые заросли камыша на той стороне. Сперва из тумана показался загнутый нос какой-то лодки. Черная лодка медленно скользила по поверхности реки, подобно щепке. На лодке, надвинув на голову капюшон, сидел некто худой в блестящем кожаном дождевике. Согнутое вдвое ружье его висело на спинке сиденья рядом. Из-под дождевика поблескивал плотно охватывающий тело патронтаж. И не шелохнется, окаянный, застыл, как изваяние. На дне лодки виднелось несколько крапчатых уток с отвисшими головами на сизых шеях.

Нариман с опаской смотрел на эту неожиданную картину.

Эти места были глухими, тупиковыми и подходили вплотную к морю. Обычно люди не забредали в эту глушь. На верхней излучине реки Кигащ, несущей свои воды от Волги, располагалось охотничье хозяйство России... Получается, что это загадочное существо, вышедшее чуть свет стрелять уток, – один из многочисленных охотников того хозяйства?

Несмотря на подступающий страх, Нариман некоторое время с любопытством, в упор смотрел на это явление. Застывший в лодке человек не проявлял признаков жизни. «Не помер ли случайно?» – забеспокоился Нариман, обуреваемый тревогой.

Он наскоро собрал оставшуюся часть невода и тотчас сел за весла. Подплыв и поравнявшись с черной лодкой, со скрипом прижался к ее краю. Когда лодка накренилась, неподвижный человек медленно приподнял голову и, прикрыв рот, начал нутужно кашлять... Все-таки живой! Нариман был рад прежде всего этому.

– Сынок, помоги! – прохрипел бедняга из лодки, с трудом раздвигая челюсти. Лицо его было подернуто безжизненной синевой, замутненные глаза в обрамлении покрасневших век смотрели умоляюще.

Нариман без слов понял, что произошло какое-то чрезвычайное происшествие. Не тратя времени на расспросы, он арканом зацепил черную лодку за нос и, расплескивая веслами воду, понесся к берегу.

Едва привязав обе лодки к крепкому колу на берегу, Нариман бросился на помощь незнакомцу. Тот оказался рослым и жилистым. Вытягивая шею, он только с третьей попытки сумел подняться с места. Нариман слышал, что мужики, гонявшие с собаками казахов в старые времена между Волгой и Уралом, были громадными. А вдруг этот тоже из того рода-племени? Лишь бы не оказался какой-нибудь злодей, охотник не столько на зверье, сколько на человека...

² Кулаш – мера длины, равная размаху рук.

Поддерживая охотника под живот, подпирая подмышки, Нариман кое-как завел его в дом. Сначала он снял с его головы козырек, затем стянул кожаный плащ. Дождь промочил всю одежду несчастного. Охотник оказался обессиленным стариком с запавшими щеками и обвисшими складками на шее. Простуда покрыла лицо бледностью и еще больше состарила его. Когда Нариман увидел превращение охотника в дряхлого старика, опасения его отпали... «И чего этим старикам не сидится возле старухи, в теплом доме?» – промелькнуло в голове. Старик был безбородым и безусым, с лысой и гладкой, как гусиное яйцо, головой. Про такие головы в народе говорят: «муха поскользнется». То ли в жизни волос у него не было, то ли выпали с годами, словом, лысина старика сверкала.

Нариман смекнул, что незнакомец, скорее всего, заблудился еще с ночи. Было видно, что бедолага сильно измучен и состояние у него тяжелое. «Как бы он не околел на моих руках», – встревожился Нариман и забегал по комнатам. Вдруг он вспомнил, что как-то приберег «на всякий пожарный случай» бутылку водки, надежно завернув в тряпье и спрятав ее от других под топчан. Со звоном вынув бутылку, Нариман налил булькающей жидкости до краев в граненый стакан. Потом протянул старику и сказал повелительным тоном:

– Быстро выпейте это!

Старик еле-еле открыл глаза. Длинные пальцы его, напоминавшие иссохшие сучья саксаула, дрожали и не слушались.

– Что это, сынок? – приподнимая брови, он взглянул на стакан.

– Это обыкновенная водка... хорошо будет... Давайте, выпейте! – настойчиво сказал Нариман.

Старик как будто согласился на слова «хорошо будет» и слегка кивнул. Дрожащими руками он с неимоверными усилиями поднес стакан ко рту. Долго пил, глотая с трудом и едва не поперхнувшись.

Нариман поверху загрузил дрова в печку и начал раздевать старика. Чувствуя себя неловко, тот хотел было раздеться сам, но конечности ему не подчинялись, и он вынужден был отдаться на волю Наримана.

Горе-охотник оказался худым до истощения, можно было ребра пересчитать. Нариман раздел его до пояса и, положив ничком на постель, смазал спину водкой. Размазав водку по всей спине, он тщательно и долго растирал ее ладонью. Затем, перевернув, растер старику грудь, как умел, сделал массаж. После этого запеленал его, как ребенка, и укутал лоскутным одеялом.

В чулане висел прокопченный курдюк барана, зарезанного в прошлое воскресенье для рабочих. Нариман снял его и растопил в сковородке. Спустя некоторое время откинул одеяло и смазал курдючным салом спину и грудь старика. Затем долго растирал, пока сало не впиталось в тело больного. Бедный старик оказался совсем измороженным. Недавний стакан водки словно провалился прямо в суставы, всё тело его размягчилось, как свинец, и стало послушным. Уйдя в глубокий сон, старик ничего не замечал, как ты его ни переворачивай. Нариман приложил ладонь ко лбу охотника и ощутил небольшой жар. Потом прильнул ухом к груди, прислушался к дыханию. К счастью, посторонних хрипов в легких не слышалось, кажется, воспаления нет.

Нариман собрал все имевшиеся в домике одеяла, покрывала и накидки, обернул всем этим бока и ноги старика, а потом снова укутал со всех сторон, оставив открытым лишь торчащий, как у ворона, нос.

«Пациент» Наримана, обливаясь потом, не шелохнулся до тех пор, пока не перевалило за полдень. Парень подходил время от времени к нему и прислушивался к дыханию. Слава богу, вроде пошел на поправку, спит себе, похрапывает, точно в гостях у свата.

Щедро засыпав углем кургузую печурку в чулане, Нариман раскалил ее так, что в домике стало жарко.

С потеплением он собирался заняться ремонтом трактора, но какое там! Не только ремонт, но и все остальные дела остались побоку. Теперь для него было главное – спасти этого заблудившегося путника.

Нариман налил в кастрюлю воды и хорошенько вскипятил ее. Затем взял одного желтого от жира сазана, очистил чешую, выпотрошил и бросил в кипящую воду. Когда глаза у рыбы побелели – признак того, что она сварилась – Нариман осторожно выудил ее и утопил в бульоне другого приготовленного сазана. Когда тот сварился, и его отложил в сторону. Потом в кипящий бульон опустил третьего сазана. Добавил нарезанной кусками картошки. Для вкуса насыпал в бульон мелко нарезанного лука, соли, перца и прочих приправ. Это была так называемая «тройная уха», которую обожали трактористы и поедали с особым аппетитом. Что и говорить, настоящий деликатес, король всех супов, язык можно проглотить!

Нариман вышел наружу разведать погоду. Давно уже миновал полдень. Между рваными серыми тучами едва проглядывали жиденькие солнечные лучи. Моросивший со вчерашнего дня осенний дождь вроде прекратился, однако в воздухе еще чувствовалась сырость.

Нариман вернулся в дом и некоторое время неподвижно сидел возле старика, наблюдая за его состоянием. Если этому человеку не поесть, то, совершенно обессиленный, он еще больше ослабеет. Поэтому Нариман собирался накормить его горячей ухой и, подкрепив, продолжить лечение. Старик ничего не замечал, он то и дело хрипло покашливал и, храпя, как недорезанное животное, пребывал в объятиях глубокого сна.

Нариман не стал ждать, пока тот проснется, одно за другим снял с него одеяла и разбудил мягким прикосновением к плечу. Незнакомец, лежавший, свернувшись клубком, лицом к стене, застонал и обернулся.

– Да, сынок, что случилось?

И голос, и облик его были гораздо лучше, чем утром.

– Может, оденетесь и покушаете?

Развешенная для просушки одежда старика уже давно высохла. Нариман помог ему одеться.

Старик окинул взглядом комнату и мрачно уставился в пол. По всей видимости, он не мог понять, откуда и куда попал. Закрывая рот платочком, без конца отрывисто кашлял. Нариман придвинул стол и поставил перед ним большую чашу с дымящимся рыбным бульоном. Старик долго, прихлебывая, пил бульон. Вскоре со лба его покапались градины пота. Вероятно, от того, что сильно потел, старик не смог долго сидеть за столом, и, скрипя суставами, опять завалился на топчан.

– Рыбу будете? – спросил Нариман. – Сазана?

– Спасибо, сынок, пока не хочу, – ответил старик и снова тяжело закашлял, морща лоб.

– Сынок, как тебя зовут? – спросил он после некоторого молчания.

– Нариман... Нариман Арешов я. Механик.

– Вот и ладно... А это чей дом?

– Это тракторный стан. Мы сено возим.

– А где остальные?

– В аул уехали... на три дня... послезавтра приедут.

Старик нахмурился и на какое-то время ушел в свои безрадостные думы. Он очень утомился, даже сказанные им несколько слов лишили его сил.

– Я, сынок, заблудился, когда среди камышей охотился на уток, – сказал старик, страдальчески вздыхая. – Плыл по течению в поисках застреленных уток и, видно, незаметно отдалился от своего места. На всю ночь остался под дождем и сильно замерз. Если б ты не повстречался, мог бы и околеть.

– Это правда, – Нариман согласно кивнул.

Устье Волги разветвляется на бесчисленное множество рукавов, впадающих в море. А суша между ними состоит из густых зарослей камыша, не то что лодка, если даже пароход потеряется – не найдешь. Это Нариман хорошо знал.

– Как ты сказал, тебя зовут?

– Нариман.

Старик трижды повторил «Нариман», потом покачал головой.

– С возрастом всё труднее мне запоминать людские имена. Что, если я на русский манер буду звать тебя Николаем? – спросил он.

– Как знаете! – ответил Нариман.

– А меня можешь называть деда Толя.

– Деда Толя? Ладно...

– Родители есть у тебя?

– Нет, я в детдоме вырос.

– Ты женат? – спросил старик следом.

– Этой весной женился.

– Вот и ладно, сынок...

После некоторого молчания деда Толя поднял голову от подушки, взял руку Наримана и прижал к груди.

– Коленька, – произнес он с волнением. – Если б я умер где-то в глухомани, было бы прискорбно и стыдно, такой бы шум поднялся среди народа! Ты меня спас от большого несчастья. Отныне ты будешь моим сыном.

– Сыном? – Нариман выпятил губу. У него не было в планах становиться сыном какого-то чужеродного астраханского мужика, заблудившегося в камышах. Но, видя, что этот человек только-только приходит в себя, Нариман решил не огорчать его и промолчал.

– Что ты окончил?

– Сельхозтехникум... В городе Астрахани...

– Что ж, хорошо, сынок...

Освобождая руку Наримана, дед сказал:

– Я вроде бы устал. От твоего бульона снова клонит в сон, – и он с трудом перевернулся на другой бок.

– Ладно, отдыхайте. Я буду снаружи, надо трактор ремонтировать.

Нариман хорошенько накрыл деда одеялом, укутал, потом почистил золу в колоснике и вышел из дому. До самого вечера он провозился с трактором, устранив поломку. Вечером снял комбинезон, вымыл руки и вошел в дом. Деда Толя сидел в чулане, прислонившись спиной к печке и скрестив руки. Он качнул длинной шеей и попытался улыбнуться. Затем сказал, что на дне лодки лежит несколько уток и с мольбой в голосе попросил приготовить одну из них.

Конечно, о чем речь... Нариман мигом прошел к лодке, взял за шею лежащих на дне лодки уток и принес в домик. Их оказалось четыре. Одну из них Нариман опустил в горячую воду, быстро очистил от перьев и приступил к готовке ужина.

Деда Толя поковырял хорошо проваренную утятину, скорее попробовал, чем поел. И на нее у него не проснулось аппетита. А вот горячий наваристый бульон пил долго, прихлебывая. Насытившись, он несколько раз попросил у Наримана прощения и снова улегся, накрывшись одеялом с головой.

Когда дед уснул, Нариман некоторое время сидел, сторожа темный дом. Затем закинул полное ведро угля в печку и в одежде прилег на топчан у порога.

На рассвете он услышал звук мотора и, накинув куртку, вышел наружу. Нариман подумал, что это одна из бесцеремонно грохочущих моторных лодок, но оказалось – катер. Громко кудачтая, он показался не из-за южного поворота, с подветренного лога, как Нариман ожидал, а с противоположной стороны, с играющего белогривыми волнами водного пространства. Издалека просигналил, сверкая, подошел ближе и, пару раз кашлянув, уткнулся носом в маслянистую грязь пологого берега.

Не обращая внимания на грязь, на берег прыгнули один за другим четверо мужчин. Они были чем-то сильно озабочены, будто только что тушили пожар. Нариман был несколько обескуражен их видом, наводящим на мысль о беглецах. Лишь низкорослый пухлый казах в форме инспектора заповедника не вызывал сомнений, остальные трое были одеты как чужаки... На местных не похожи. Скорее всего, неприспособленные к сельской жизни, прилизанные городские.

От них отделился один здоровяк с бычьей шеей и, топая ногами, приблизился к Нариману. Без всякого приветствия он громко заговорил по-русски:

– Мы ищем одного уважаемого человека высокого роста! – здоровяк поднял указательный палец и дважды провел в воздухе.

Нариман ощутил, как по спине пробежал мороз. «Выходит, это организованная группировка», – подумал он с подозрением. Но быстро собрался и, не уступая позиций этому распетушившемуся типу, внушительно заговорил по-русски:

– Уважаемый, не уважаемый, я не знаю... Но один дряхлый старик дома лежит, – и показал подбородком в сторону домика.

Едва услышав ответ, двое бросились в указанном направлении. Объездчик заповедника и еще один остались возле Наримана, с беспокойством поглядывая на него, словно в чем-то подозревая.

Инспектор в красках, возбужденно рассказывал о том, что они вот уже двое суток, без сна и отдыха, днем и ночью ищут «уважаемого человека» на воде. Неизвестно почему, этот человек уплыл в лодке по течению с одного из бесчисленных поворотов, где был оставлен выслеживать уток. И вот невезуха, эти несчастные совсем потеряли из виду «уважаемого».

Внешность объездчика отличалась от облика обычного хулигана-головореза, скорее, он смахивал на тихого аульного казаха, который и мухи не обидит. Нариман успокоился и как будто поверил его словам.

В следующий момент егерь заметил на северном берегу лежащую на боку черную лодку с загнутым носом и несказанно обрадовался.

– Вон, вон... наша лодка! Точно, это она! – выкрикнул он, топнув ногой.

Стоящий рядом взъерошенный городской парень, словно не поверив эмоциональной реакции инспектора, устремился в сторону лодки. Подойдя, он обошел лодку, поглаживая и похлопывая ее ладонью. И тут же побежал к домику. Объездчик тоже устремился за ним.

Нариману показалось неудобным стоять одному. Он подошел к дому и, скрипнув дверью, вошел внутрь.

Четверо мужчин возбужденно сгрудились в тесном чулане вокруг умывающегося деда Толи, то и дело подобострастно извиняясь перед ним за то, что попали в постыдную ситуацию. Они, оказывается, вызвали вертолет из Астрахани, но тот, будь неладен, не мог вылететь из-за дождя и только утром сообщили: «вышли сегодня». Если б деда Толя не нашелся сегодня, то им пришлось бы на этом вертолете искать его с неба.

– Анатолий Петрович, вам надо срочно ехать в город и показаться врачу, – суетился тот, что с бычьей шеей, но деда Толя покачал головой, выказывая несогласие.

– И туда успеем, но мой врач со вчерашнего дня вот этот парень! – сказал он с доброй улыбкой, приподнимая брови. – Познакомьтесь, его зовут Николай!

Мужчины, готовые с трепетом внимать каждому слову старика, с удивлением взглянули на Наримана, словно впервые увидели. Они ухмылялись в усы, будто хотели перевести сказанные дедом Толей слова в шутку.

– Слушаемся, Анатолий Петрович! Это, конечно, так, – обронил здоровяк. – Но давайте поскорее уйдем из этой вонючей хибары!

– Эта хибара не вонючая! – буркнул дед Толя, нахмурившись. Он кашлянул и зашелся надсадным кашлем. Потом утер лицо платочком и сказал: – Это место стало для меня благодатным. Если б не эта лачуга... если б не этот Николай, вы бы меня сегодня не увидели живым.

Глаза четверых вспыхнули, и они снова перевели внимание на Наримана. Видно, только теперь до них дошло, что дед Толя не шутит. Они кинулись по очереди пожимать руку Наримана и кивать головами, осыпая его словами благодарности.

Нахлобучивая на голову вязаную шапку, дед поручил угодливо мечущемуся высокому мужчине:

– Валентин, ты запиши все координаты Николая полностью.

Долговязый, стройный Валентин крутнул головой, как веретеном, и повлек Наримана за собой наружу. Там он тщательно и аккуратно записал в записную книжку все его данные: имя, фамилию, место работы, адрес.

Следом за этим те трое, плотно окружив деда Толю, с гомоном вышли из домика. Они договорились, что как только на катере доберутся до гостиницы, немедленно отправятся вертолетом в город. Черную лодку решили забрать позже.

Прощаясь, дед сжал руку Наримана и долго держал ее в своей. Выражая благодарность, он высказал все льющиеся из сердца теплые слова.

– Сынок, отныне в оставшейся жизни мы будем вместе, ты не забывай об этом! – произнес старик с чувством. Похлопал по спине, как родного сына, наклонившись, нюхнул в лоб.

После этого, медленно ступая, поднялся на катер.

* * *

Говорят, счастье приваливает благословлённым. Жизнь Наримана после этого события полилась, как прекрасная песня, и ничем не уступала сказке. Он возвысился, вознеся, колесо судьбы его покатило в гору. По аулу распространилась молва: «Оказывается, Нариман вовсе и не сирота, нашелся его родной отец».

Сначала, спустя месяц, он получил специальное приглашение от ректора Сельскохозяйственного института в городе Саратове. Ректор не доводился ему родственником по матери, а Нариман – ему племянником. Возможно, поэтому приглашение всех сильно удивило, как гром среди ясного неба. Ничего не понимая, но всё же полагая, что это к добру, Нариман, весь в недоумении, отправился в Саратов.

Всё самое интересное началось в том Саратове... Нариману очень помогло то, что он окончил техникум с красным дипломом, и после короткого разговора с ректором молодой человек был зачислен на механический факультет института на заочное отделение. В течение десяти дней Нариман прошел установочные занятия и, вне себя от радости, вернулся домой.

Еще не успело утихнуть то ликование, как он был приглашен на работу на крупное предприятие «Сельхозтехника» в городе Астрахани. Впоследствии молодая семья получила ключи от трехкомнатной квартиры на окраине города. А ближе к середине февраля они с женой Асимой, собравшись, двинулись в путь. И что удивительно, не автобусом, не поездом, а на самолете. Причем не куда-нибудь, а в саму Москву!

Они были приглашены дедом Толей, который прошлой осенью повстречался с Нариманом на реке Кигаш. Старик приглашал его с супругой разделить с ним торжество в связи с юбилейной датой.

Жена деда Толи оказалась добрейшим миловидным созданием. Она приветливо, как родных, приняла Наримана и Асиму, разговорила их и окружила заботой.

Официальный юбилей был отложен до весны, а в день рождения на просторной даче в Подмоскovie собрались единомышленники и доброжелатели. Неразлучные друзья, крупные деятели, обеспеченные пенсионеры государственного значения. Они по-доброму, пристойно шутили и вели длинные душевные беседы. Нариман со стороны наблюдал за ними и с интересом прислушивался к разговорам. Не всё ему было понятно из того, о чем говорили эти титулованные старцы, и оставалось только удивляться.

– Давайте подождем Диму. У него же работа тяжелая, видно, поэтому задерживается, – сказал деда Толя и около часа ждал какого-то друга.

Наконец явился и тот самый Дима. Нариман с порога узнал военного человека с золотыми погонами и в мундире цвета хаки... Когда он служил в армии, в ленинской комнате на стене висел портрет этого человека. Это был маршал Советского Союза, министр обороны СССР Дмитрий Устинов.

Нариман и без того чувствовал себя не в своей тарелке в роскошных комнатах со сверкающим паркетом. А когда в комнату твердыми шагами вошел маршал, он вообще ощутил себя зайцем, угодившим в берлогу льва. Нариман был простым солдатом, который во время службы не то что маршала, даже живого генерала не видел. А теперь вот оказался за одним столом с самим маршалом! В такое трудно поверить. Но как не верить глазам, когда они всё видят и всё замечают... Кто бы мог подумать, что тот исхудавший немощный старик с Кигаша окажется такой важной персоной? Пожалуй, из маститых, высокого полета, раз дружит с членом политбюро, главным маршалом страны! Нариман то и дело с благоговением поглядывал на деда Толю.

Когда гости расселись за столом, деда Толя с гордостью представил всем Наримана: «Вот он, мой сын Николай!» Никто не удивился простому загорелому казахскому парню, вероятно, старые друзья деда Толи были заранее уведомлены о Наримане, либо это был признак их высокой культуры.

Вечер прошел, но Нариман с женой еще целую неделю гостили на даче, обласканные и окруженные вниманием.

Накануне возвращения на родину, в качестве подарка на новоселье, деда Толя оформил на имя Наримана сберегательную книжку. Как ни отказывался парень, но тот настоял на своем. А Асиме наказал приобрести на эти деньги необходимые для дома вещи, мебель.

Деда Толя нарек именем и первенца Наримана, который родился тем же летом. В честь «внука» дед подарил голубую «Волгу» в масле.

С той поры Нариман с семьей каждый год бывал в Москве. Они отдыхали летом на просторной, как дворец, даче деда Толи.

Эти беспримерные чистосердечные отношения продолжались восемнадцать лет, до самой кончины деда Толи, который почил в возрасте девяносто одного года.

* * *

Наверняка вы с нетерпением ждете, когда я, наконец, назову имя того человека с большим сердцем, который с таким участием отнесся к простому казахскому джигиту, проявил о нем искреннюю отеческую заботу...

Имя этого человека – Анатолий Петрович Александров. Он был крупным специалистом в области обороны Советского Союза, ученым, заложившим фундамент отечественной ядерной энергетики. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, президент Академии наук СССР, академик.

Вот та история, о которой мне напомнил Паустовский.

Перевод с казахского языка Раушан БАЙГУЖАЕВОЙ